

О мысли и слове: к проблеме понимания и атрибуции знания

1.1 Информация, сообщение, понимание: краткое представление коммуникативной теории.

Зададимся вопросом, можно ли себе представить знание, не приписанное человеку или его сознанию? И если это возможно, то к каким следствием приводит такая «дегуманизованная» теория знания? В далекое средневековье подобного рода «дегуманизация» не вызывала вопросов, однако вместе с началом книгопечатания прекратилась традиция приписывания авторства самой книге или тексту, утерявшим способность говорить от собственного лица.

В адресатах приписывания знания в истории человеческой мысли не было недостатка. Философы оставили психологам тривиальные, человекоразмерные «резервуары» знания, а именно, психику-душу-сознание-память, а сами начали поиск «экзотических» мест его аккумуляции. Сюда относится и мир идей Платона, и сознание Бога (И. Ньютон, Дж. Беркли), и «коллективные репрезентации» (Э. Дюркгейм), и коллективная сингулярность в виде трансцендентального сознания (И. Кант), и «третий мир» К. Поппера, и «Третий Рейх» Г. Фреге, и экстерналистски-локализуемые значения слов (Х. Патнем), и поведенческие диспозиции (бихевиоризм), а вместе с лингвистическим поворотом (и в философской герменевтике М. Хайдеггера), наконец, и сам язык становился хранилищем знания.

Но не наводит ли это произвольность атрибуции знаний на мысль о том, чтобы вообще отказаться от адресата, рассматривать знание как таковое - безотносительно к формам его хранения и генезиса?

С другой стороны, такое – еще неприписанное и нереципированное – знание зачастую имеют виду, говоря об информации. Знания-де именно тем и отличаются от информации, что последняя никому не атрибутируется, и словно ждет своего часа, чтобы быть воспринятой и *изменить состояние* своего реципиента, сделать его другим. Парадным примером служат кольца на еще не спиленном дереве, однозначно свидетельствующие о возрасте дерева, но никому об этом «не сообщающие». Чтобы стать знанием, информация, следовательно, должна быть сообщена «знающему» и превратить его в «знающего».¹ К информации что-то должно быть добавлено, чтобы она стала знанием.

¹ О различении *знание/информация* см. обширное введение в проблему: Thomas Grundmann: Analytische Einführung in die Erkenntnistheorie. De Gruyter. 2008.

Но что значит «быть знающим»? И в чем состоит это «изменение состояния»? Предположим, что он не пассивно реципирует некоторое содержание, но со своей стороны, проявляет некоторую активность: он готов к восприятию, поскольку имеет в своем поведенческом репертуаре ряд – всегда ограниченных – установок или диспозиций²: знающий только потому и знающий, что формулирует *пропозициональные* установки. Точнее говоря, он сам и есть такая установка или отношение: «знает, что...», «верит, что...», «надеется на то, что...», «боится, что..», «ожидает, что...» и т.д. Теперь нечто (как кольца на неспиленных деревьях) не просто имеет место и характеризует что-то, но и еще известно, ожидаемо и т.д. – всегда в рамках той или иной особой установки или особой модальности – надежды, веры, страха и т.д.

Конечно, теперь, когда к информации мы добавили знающего (т.е. какое-то особое *отношение, установку* к информации, ее индивидуальную версию или редакцию, один из возможных модусов ее актуализации), хочется получить знание в чистом виде, выделить его как таковое из его – всегда особой – формы презентации. Но для этого нам приходится осуществлять обратный процесс – отличать пропозициональную установку, т.е. особое состояние знающего, который «знает, что р», «верит, что р» от самого р.³ Если знающий снисходит до того, чтобы сообщить нам о своем знании, а мы ему верим, то в этом случае возникает возможность отличить *сообщение* знания от самого знания. Его индивидуальную форму или редакцию в устах знающего от действительного положения дел, сравнить услышанное предложение с его смыслом. Назовем это *пониманием*. Мы понимаем, если сравниваем услышанное или прочитанное сообщение с тем, что в этом сообщении «содержится». С тем, о чем это сообщение. Мы словно «сравниваем» сообщение информации и сообщенную информацию, и всегда – на предмет того, соответствуют ли они друг другу или противоречат. И если фиксируем (их адекватность или противоречивость), мы – в любом из этих случаев – понимаем услышанное или прочитанное.

Информация – это не просто то, что имеет место объективно. Это то - что (в фактически протекающей коммуникации) выглядит наиболее важным при переработке прозвучавшего сообщения. Так, и мотив сообщения, т.е. сама установка (страха, веры и т.д.) может быть «почерпнута» как информация, точно так же, как и само сообщаемое положение дел может быть извлечено из сообщения и стать ориентиром для поведения. *Информация – это селекция из тех смысловых избыточностей, которые возникают в любом сообщении.*

Итак, мы имеем дело с – трехэлементным пониманием – знания как единства:

1. самой информации⁴ - (не)истинного, (не)желаемого, не(без)опасного – *положения дел*, как бы извлекаемого из сообщения в процессе его понимания; впрочем как и (не)истинности, (не)желательности, (не)безопасности того, что было сообщено.

2. сообщения информации (пропозициональной установки, «знаю, что», «верю, что», «надеюсь, что и т.д.», «боюсь, что»), так сказать, ее особой редакции⁵. Сообщение есть форма

² Пока отложим вопрос о том, в какой степени таковые установки или диспозиции в свою очередь могут познаваться и генерироваться заново как следствие познания.

³ Так, применительно к языку, главное предложение мы отличаем от придаточного, но теперь было бы желательно выйти и из языковых форм презентации знания. Ниже мы покажем, что такое возможно лишь в ограниченных масштабах – в чистом восприятии сознания и довербальной (например, детской) коммуникации.

⁴

⁵ Вовсе не обязательно, чтобы сообщающий эксплицитно формулировал «установку». Она в любом случае будет подразумеваться при интерпретации любого сообщения – хотя бы в виде установки «безразлично, что ...».

презентации информации: это и выбор слов, и выбор типа (письменной, устной, печатной, медийной), но главное - выбор установки.

3. понимания сообщения информации – понимания обоснованности того, что в сообщении действительно содержится (или не содержится) именно эта, а ни какая-то иная информация. Понимание – результат анализа сообщения, его разложения на части: на знак (фактически-материальную презентацию) и его смысл, на содержание сообщения и латентный или явный мотив, и в общем виде – на сообщение (ту или иную форму презентации) и то, что было из него извлечено из него в ходе интерпретации. Понимание, таким образом - это больше чем интерпретация, которая в своем обычном виде «забывает» о том, из чего она получена и концентрируется лишь на смысле. Понимание – это интерпретация с учетом формы или знака. Если я интерпретирую стихи как выражение любви, я вижу в них не только любовь. Ведь я *понимаю* их, когда сравниваю то, насколько они выразили любовь, а насколько им этого сделать не удалось (и в этом случае они выражают лишь чистую поэзию).

Если я слышу «сегодня хорошая погода», то в этом сообщении мы различаем между информацией (тот факт, что действительно хорошая погода), и пропозициональной установкой: сообщением о том, что кто-то *знает*, что..., а может, *хочет* или *надеется*, чтобы была хорошая погода, или *боится*, что будет плохая, или просто стремится заполнить паузу в разговоре. *Понять сообщение информации* – значит выявить пропозициональную установку (знания, страха, желания и т.д.) на предмет адекватности содержащейся в сообщении информации. Понимание – это извлечение информации из сообщения, разложение сообщения на его составляющие: на само положение дел и определенную модальность в котором положение дел презентуется, понимание того, насколько такая презентация уместна или неуместна.

Как видно, в общих чертах эта теория коммуникации соответствует традиционному трехэлементному пониманию знания как истинностного, обоснованного полагания.⁶ Знание – это сравнение и отличие сообщения об информации от сообщенной информации, независимой от сообщения формы ее презентации. Первое без второго – еще не знание. Второе без первого – уже не знание. Их связывание, различение (анализ) и есть понимание.⁷

Для наших целей здесь важно предварительно отметить, что знание в этой теории приписывается не человеку, а словно получившим самостоятельность и рутинизировавшимся процессам сообщения, информации, понимания. Отсюда вытекают некоторые соображения в отношении истинностной оценки знания.

⁶ См. дискуссию в журнале «Эпистемология и философия науки»

⁷ Конечно, далеко не всегда в коммуникации эксплицитно формулируется пропозициональная установка, - заявляется, например, «я боюсь, что пойдет снег». Но в любом случае стоит иметь в виду, что поиск так называемого смысла высказывания оказывается подстановкой такой установки. Смысл высказывания (в данном случае, как его мотив) сводится к «опасениям». Это и может становится информацией, которую я черпаю из сообщения, том смысле, что отличаю ее от других «установок» (например, надежды), но также и от установки эпистемической в узком смысле, т.е. о того, что «я знаю, что идет снег».

1.2 Следствия из теории коммуникативной теории знания для теории истины

С одной стороны, очевидно, что информация не может быть ошибочной, мир не может ошибаться в отношении себя, а может быть таким, каков он есть, и никаким другим. Но в такой форме информация нам как раз и неизвестна (вспомним здесь хайдеггеровское фундаментальное определение истинности как сокрытости, *Verborgenheit*, предшествующее и более базовое в сравнении с выводимым из нее «алетейя», или «несокрытости»). Чтобы стать известной, а значит сообщенной, она должна быть вписана в пропозициональную установку, получить ту или иную редакцию. И только это делает возможным заблуждение и ложность.

Но эти пропозициональные установки как формы презентации информации (смысла сообщения), веры во что-то, надежды на что-то, как раз не имеют никакого коррелята в самом мире. Это есть то специфическое, что добавляется к миру в ходе его обсуждения. Столько, сколько существует установок как форм презентации знания, столько имеет место и форм – языкового! - удвоения мира. (Можно надеяться, что что-то имеет место, и значит, это может и не случится. Можно верить во что-то и значит, этого может и не быть). Всякая установка модализирует мир, умножает его, но исключительно в самом в процессе сообщения. В самом сообщении (установке) сообщается о состоянии знающего – надежде, знании, страхе и т.д, а не о мире, независимо от того, какая информация или смысл будет эксплицирована на следующем этапе коммуникации.

Возникает вопрос о том, лежит ли что-то более фундаментальное в данных столь разных типах удвоения мира? Первое, что приходит на ум, что в основе всех установок или презентаций знания, удваивающих действительный мир, лежит некое первичное разделение на его да-редакцию и нет-редакцию, на модусы принятия и отклонения. В принципе такие формы модализации мира (т.е. негативные и позитивные установки в отношении мира), даны уже в растительно-животном мире и, безусловно, в мире примитивных влечений. Каждому «движению» в отношении мира со стороны его реципиента соответствует событие или фрагмент мира, но в отношении к одному и тому же мировому событию возможно как принятие, так и отклонение, как «движение к нему», так и «движение от него».

Однако такому различию между принимаемым и отклоняемым, между позитивной и негативной формой реакции на мир, в самом мире уже как раз ничего не соответствует. Это внутреннее дело того, кто такое движение или реакцию осуществляет. И значит, и сами эти операции отклонения и принятия знания *не являются эмпирическими*, в мире самом по себе нет различий между тем, чего хочется и не хочется, во что веришь и во что не веришь, чего боишься и чего не боишься, на что надеешься, а на что – нет; между тем, что известно, а что не известно; между тем, что есть и чего нет. Эти различия локализованы исключительно в самих пропозициональных установках. В мире не просто, что-то есть, зафиксированное в суждении *p*, к этому положение дел добавляется еще и факт его известности или неизвестности, что собственно и умножает число мировых событий.

Но если возможно выбирать форму презентации мира, то не означает ли возможность такого выбора относительную свободу в порождении своего мира? Итак, базовой характеристикой пропозициональной установки оказывается ее неэмпиричность, отсутствие у нее

коррелята в мире, который эта установка подразделяет (и тем самым производит!) на его позитивные и негативные версии.

Но добавляет ли что-то такая атрибуция знания исключительно самому знающему и сообщающему об этом что-нибудь к анализу информации, как безличного, пропозиционального знания содержащегося в сообщении-установке? По-видимому, нет. Но тогда может быть отвлечься от *агента* или *адресата* знания? Ведь если мы зафиксировали *модусы или формы его презентации* в виде пропозициональных установок или сообщений, то субъект, человек, сознание оказываются нам не нужными⁸. При этом, отказываясь от сообщающего знания *агента*, мы не отказываемся от анализа самого сообщения, установки, делающего его возможным! (Ведь информацией всегда может оказаться и само сообщение, а не только его содержание (= информация в узком смысле). Сообщение – это необходимый и (соравноправный знанию) материал знания, т.е. такая форма презентации знания, которая и сама всегда может оказаться извлекаемым смыслом или информацией. Никто не запрещает от анализа смысла сказанного обратиться к анализу слова или предложения. Сообщение оказывается носителем знания, медиумом знания, данным нам в языке независимо от человека, но при этом всегда может рассматриваться и как содержание знания. Факт известности тоже может стать эксплицитно известен.

На место носителя знания (уже не человеческой, но все еще в каком-то смысле антропологизированной инстанции) было немало претендентов: логос, трансцендентальное сознание, язык.

1.2 О том, кому атрибутировать знание – сознанию или коммуникации; и о том, какая наука изучает теорию познания.

В этой части мы статьи мы обосновываем, что именно коммуникация, а не трансцендентальные структуры сознания или язык, являются инстанциями, которым следует приписывать знание, и следовательно - эмпирическим (= натурализированным) и единственно возможным базисом для эпистемологических исследований.

В истории эпистемологии долгое время господствовала «трансценденталистская» установка. Согласно ей условием эмпирического познания, а фактически носителем некоего вечного знания о знании, выступает *неэмпирическая* или *сверхэмпирическая* (априорная, трансцендентальная) способность формулировать отношение к миру и накапливать вторичные, синтетически и эмпирически добываемые знания. Эта установка впервые получила форму «логоса» (или логики) еще в античности. Действительно в постулатах логики говорится лишь о самой логике, и ничего не говорится о мире. Другими словами, в мире самом по себе нет никакой «мировой» логики, которую бы воспроизводили логические аксиомы (или тавтологии). (Этот факт, сообщенный Витгенштейном Расселу, как известно, довел последнего до суицидального состояния). И действительно, разве у закона о непротиворечивости есть коррелят в самом эмпирическом мире?

⁸ Поэтому мы отказываемся от рассмотрения установки как интенционального или ментального состояния (отличаемых, как правило, от просто наличествующих ощущений в современной философии сознания.) Ментальное состояние может быть коррелятом установки, а может и не быть, достаточно того что осуществлена «атрибуция» установки в ходе коммуникации. Фактическое наличие ментального состояния (страха, надежды, убеждения) в сознании не имеет большого значения.

Казалось бы, мы могли бы посмотреть на мир на предмет его непротиворечивости (или противоречивости) и вывести из него логический закон (избежания противоречий или пресловутые законы диалектики). Но если мы захотим доказать, что этот мир непротиворечив (или вместе с Гегелем, что он полон противоречий), не должны ли мы уже задействовать этот постулат, а значит, располагать им до всякого обращения к реальности? Итак, согласно априоризму имеются некие формы, априорные знания о том, как добывать знания. Это противоречит коммуникативной интерпретации знания, где сообщение-установка как форма знания, хотя и имеет самостоятельное значение (а не отражает коррелятивные мировые события), но в качестве коммуникативной формы генерируется в процессе коммуникации, эволюционирует вместе с типами коммуникаций, может исследоваться в теории коммуникаций как вполне эмпирическая реальность – реально функционирующая установка или отношения *известности, опасений, надежды* и т.д. Сообщение или установка – это предпосылка и форма знания, но не вечно-неизменная, а допускающая их коррекцию и проверку.

Если следовать априористской установке исследования мира на его противоречивость или непротиворечивость, в этом случае полученные данные не должны обратным образом воздействовать (подтверждать или опровергать) закон противоречия: трансцендентализм в этом смысле не допускает натурализации, т.е. возможной корректировки предпосылок познания с учетом фактического (психологического, *социологического*, биологического, физического и т.д.) познания.

Трансцендентальное сознание Канта, выведшего причинные, пространственные и временные связи за пределы мира самого по себе, продолжило эту эпистемологическую линию поисков когнитивных механизмов или схематизмов, лишенных подлинных коррелятов в мире самом по себе. Трансцендентальный субъект Гуссерля точно так же погружен лишь в модусы своей презентации мира, мы колеблемся между ноэзисом и ноэмой безотносительно к вшеншемировым коррелятам содержаний субъективности (эпохе).

В аналитической философии утверждалось, что в такую априорную сферу входят функторы, «и», «или», «следует», у которых в свою очередь не обнаруживалось в мире никаких коррелятов, но которые лишь связывают атомарные предложения в предложения молекулярные. Рассел назвал такого рода выражения синкатегорематическими.

И действительно в мире у некоторых условий познания, как например, у закона исключения противоречия не обнаруживается референтов. Это очевидно неэмпирический постулат. В самом мире как раз и не требуется ничего исключать, там нет ничего лишнего. Там нет никаких противоречий, и все позитивно. И словно в ответ на это в структуре разума возникает постулат недопущения - несуществующих в самом мире! - противоречий. Противоречие оказывается достижением исключительно мышления! Можно поставить вопрос так: требованию исключать противоречия в разуме соответствует отсутствие таких противоречий в мире! Это требование принимает форму парадокса: противоречащие друг другу мысли обнаруживает своим коррелятом в мире факт отсутствия таких противоречий.

Итак, старая семантика – трансцендентальная, аналитическая, феноменологическая – утверждала существование мира, доступного эмпирическому наблюдению и требующего языкового синтеза. С другой стороны, постулировался мир необходимых, аналитических, неэмпирически обоснованных истин и реалий мышления (в этом Гуссерль вовсе недалеко ушел от Фреге), среди которых и следует искать условия самого познания, – такие как логика и закон исключения противоречия, пространственно-временные созерцания, причинно-следственные

сопряжения и т.д. При этом такие условия познания не наблюдались эмпирически, не могли оказаться другими, что выяснилось бы при развитии и углубления познания.

Проблема трансцендентального сознания как субъекта знания всей старой семантики состояла в том, что трансцендентальная теория сознания запрещала когнитивную самореференцию, т.е. отказывалась рассматривать трансцендентальные условия познания (пространство, время, категории причинности и категорию категории) в качестве *следствия* познания. Уже хотя бы потому, что уже и сам механизм *следования* оказывался трансцендентальной предпосылкой познания – имплицитный познанию и эксплицитный предмету познания. Как же такое условие могло одновременно явиться и его результатом? В качестве имманентного сознанию такое каузальное следование являлось «вечным» условием познания, а никак не вытекало из него. Отсюда весь пафос Фреге и Гуссерля, требовавших денатурализации теории познания. В философии-де нет места психологии! Представление, что носителем априорного знания является трансцендентальный субъект, словно знания из сферы эмпирического исследования.

Представление о том, что познанием занимается сознание⁹, что именно субъекту нужно приписывать знание, господствовало в философии вплоть до лингвистического поворота, где референция теории познания сместилась в область языка. Ведь язык можно изучать эмпирически и делать выводы о том, что же является фундаментальными условиями познания. Ведущей дифференцией в исследовании языка стало различие «аналитическое/синтетическое». Но и это различие не имело коррелята в эмпирическом «натурализованном» мире – языке, а оставалось априорной предпосылкой любого знания. Так же как и различие языка и метаязыка. Из исследований самого языка никак не вытекали такого рода различия, и изучение языка как фундамента познания не требовало создавать искусственный идеальный язык «осмысленных выражений» и осуществлять в нем различия. Повседневный язык и особенно язык науки, прекрасно подходил для нужд фактического познания.

Язык оказывается доступен эмпирически, его можно изучать «натуралистически». Но и его анализ накладывал сильные ограничения – запрещал смешивать уровни языка и метаязыка, что оказывалось «неэмпирическим» условием познания. Требование запрещать смешение уровней, свойств членов множества и самих множеств оставалось сомнительным. (Футбольная команда и командный дух в целом, конечно, не является тринадцатым игроком в той же команде, поскольку этот «командный дух» выражает свойство не одного игрока, а всей команды, т.е. множества. Но как раз это дополнительное свойство как дополнительный фактор наряду с индивидуальными способностями игроков и объясняет, и определяет победу. И именно это свойство должно быть добавлено как объяснительная гипотеза победы команды – наряду с индивидуальными свойствами каждого игрока.)

И в рамках аналитической философии язык оказался эквивалентом априорных структур познания, неэмпирическим условием знания. Ведь он – границы мира. Все что происходит,

⁹ и это несмотря на редукцию в научном познании человека-наблюдателя к самим процедурам наблюдений и измерений, которые еще могли быть осуществлены и описаны на ЯЗЫКЕ математики, но уже не могли быть непосредственно наглядно представлены человеческим сознанием – как четырехмерное пространство, хотя в действительности и трехмерное пространство Эвклида столь же сложно для восприятия человеком

получает ту или другую языковую редакцию, и как следствие возникает возможность заблуждения¹⁰.

Альтернативой этой семантики, где знания приписываются сознанию или языку, является «натурализованная» или «эмпирическая» семантика. В ней теория познания не требует для себя такого выделенного статуса среди научных дисциплин. Более того, для эпистемических исследований оказывается достаточно и утвердившихся наук, будь это психология – с ее исследованиями восприятия и индивидуального мышления, или социология, изучающая коммуникативные структуры знания и познания. Обе дисциплины требуют эмпирических исследований и сознания, и коммуникации, и языка на предмет выявления своих собственных предпосылок, которые оказываются фактическим следствием развития этих дисциплин. Речь идет об *автологической* семантике, в рамках которой теряет значение различие между трансцендентальным и эмпирическим, аналитическим и синтетическим.

Попытки натурализации эпистемологии связывают именами У. Куайна и Н. Лумана. Луман рассматривает коммуникацию, в которой нет никаких выделенных неизменных условий, там метаязык всегда остается и языком коммуникации, и правила коммуникации могут быть предметом коммуникации как ее обычная тема, любой аспект коммуникации – сообщение-установка, смысл-информация и понимание – могут обсуждаться в коммуникации.

Натурализация познания и в случае Куайна предполагала рассмотрение познания как формы человеческого поведения, которое может изучаться психологией. Но это касается до-научного познания, индивидуального когнитивного аппарата – восприятия, обобщения, отклонения и т.д. Но если говорить о предпосылках именно научного познания, то здесь имеют значение другие факторы; требуется уже не просто психолого-физиологическое исследование, но исследование социальных предпосылок развития познания, и поэтому здесь натурализация проявляла себя в виде привлечения теории коммуникации для исследований эпистемологии.

Почему же тогда следует отказаться от языка – как фундамента познания?

Первичной формой познания является коммуникация, а не язык. Допустим, фундаментальной формой познания является различие объекта и субъекта (вещей и людей). Но из чего вытекает такое различие? Очевидно не из языка, ведь такое различие существует вероятно уже у животных, и несомненно у маленьких детей, которые уже вступили в коммуникацию со взрослыми в отношении вещей, но еще не овладели языком; как и не из знания

¹⁰ Именно язык в этом смысле оказывается первым врагом истины. Если познание представляет собой путь проб и ошибок, то ошибка или заблуждение оказываются фундаментальными условиями познания! Между тем, мозг, организм и ощущение на ошибку очевидно не способны. Если мне кажется, что я испытываю боль, я действительно испытываю боль, а если мне кажется, что я вижу, красное, я действительно вижу красное, пусть это на самом деле и зеленое. (Боль – это не субстанция, которая существует сама по себе, отличная от чувства боли, как одной из форм ее существования, истинной (адекватной) или ложной (неадекватной) презентации. Боль, пока о ней не высказались, и есть сама – всегда истинная – данность. Лишь предложение может быть ложным или истинным, и это тривиальное положение требует отказа от известной презумпции - «человеку свойственно ошибаться», показывает искусственность этой конструкции.

чужого сознания, поскольку чужое сознание нам недоступно, и мы не знаем, что в нем перерабатывается. Кроме одного! – что в нем нечто перерабатывается, причем именно это нечто как раз и отличается от самого человека, который их воспринимает и перерабатывает в своем сознании.

Итак, это различие *предмет/человек* (= перерабатываемое/перерабатывающее) вытекает из восприятия чужого восприятия, причем еще до овладения языком. Предмет может быть определен лишь как предмет восприятия другого человека. По поводу чужого восприятия мы точно знаем лишь одно, а именно, что оно отличает себя от всего остального: себя-человека от предмета внимания себя-человека. Так понятие познание (= операция различения) одновременно и есть первичная форма и условие возможности коммуникации. Ведь чтобы это познание-коммуникация состоялась, приходится говорить с человеком о предметах, а не с предметами о человеке, т.е. осуществлять первичное когнитивное различение. Когда мы вступаем в коммуникацию, мы перформативно¹¹ *различаем* коммуницирующего и коммуницируемое, а значит познаем. Познание – коммуникация о предметах с человеком, а не наоборот. Именно коммуникация, а не язык, требует познавательных различений: человек/вещь, с кем/о чем, субъект/объект.

Другими словами, познание (в данном случае, в форме различения предметов и людей) нужно для продолжения коммуникации, чтобы не разговаривать с предметами о людях. Такое различение и является условием осмысленного продолжения коммуникация, которая в случае обратного положения дел, т.е. общения с предметами о людях, очевидным образом застопорится. Именно ради этого приходится отличить вещь от человека, т.е. осуществить первый когнитивный акт. Сама коммуникация в ее фактическом протекании и есть отличие предмета от воспринимающего его человека.

В рамках *сознания* (и в рамках языка) не требуется с необходимостью различать (= познавать) людей и вещи; и камни, и людей сознание способно воспринимать, не подразделяя (= не познавая) их на разные категории. Их смешение в сознании не приведет к прекращению потока переживаний, прекращению функционирования психических систем. Такое смешение порождает исключительно *коммуникативные* трудности – трудности коммуникации с молчащими предметами.

Итак, мы выдвигаем тезис о генетическом примате коммуникации в вопросе знания перед человеком (и его сознанием) как агентом познания и перед языком как носителем знания (аналитическая философия и герменевтика). Уже коммуникация с новорожденным показывает, что коммуникация возникает раньше языка. Коммуникация начинается на уровне появления дискриминационных возможностей восприятия и первое что дискриминируется – это сам человек, отличающийся от себя же, в форме не-человека, процесс, примечательным образом воплотившийся в великих философских системах (Фихте, Шеллинг).

На уровне индивидуального человеческого сознания (если знание и познание приписывать самому человеку), такое знание оказывается чрезвычайно релятивным, в особенности в вопросе пространственно-временных воззрений. (Некоторые аборигены могут не различать круга и квадрата, воспринимать до 100 оттенков белого, не говоря уже о различиях культурно-обусловленных представлений.) Отсюда проистекает вопрос о границах такой

¹¹ *Перформативно* в том смысле, что коммуникация (действие, перформанс) есть одновременно и языковой акт, и когнитивный акт.

релятивности индивидуального знания. Очевидно, что границы релятивности знания определяются возможностью *понятно рассказать* о своих представлениях, а следовательно ведущую роль играет *ожидание понимания*. Но понимание возможно только в рамках коммуникации, причем устойчивой и воспроизводимой настолько, чтобы сообщаемое знание было воспринято без чрезмерного удивления.

Другими словами, именно *устойчивые* культурные, языковые (= коммуникативно-утвердившиеся) представления определяют индивидуальные экспликации знания. В современности для того, чтобы оставаться понятным, я уже не могу позволить себе утверждать, что квадрат и круг фактически тождественны, как бы моему индивидуальному внутреннему восприятию ни казалось, что замкнутость границ и континуальность линий гораздо существенней, чем наличие прямых углов. То же самое непонимание, приводящее к проблематизации и обременению коммуникацию, возникает в том случае, если вернуть товар продавцу под предлогом того, что его белый цвет недостаточно бел, пусть это и недоступно нетренированному восприятию моего контрагента по коммуникации. И только в этом – вырожденном – случае возникает фикция приписывания знания человеку. Тогда коммуникация может быть разрулена простым объяснением – ссылкой на особый характер моего восприятия, т.е. через атрибуцию знания человеку как носителю индивидуального знания. Но эта ссылка как раз и оказывается следствием коммуникации и ее несрабатывания в качестве общепонятного когнитивного ориентира, на которой ориентируется всякое знание.

Именно в этом смысле коммуникация «знает» и «познает», т.е. определяет то, что может быть – понятно - сказано, как и то, какое знание может быть артикулировано, и не отклонено как недоступное в контексте конкретного общения!

1.4 К конструированию Другого: интересубъективное вчувствование в сознание Другого или коммуникативное различие информация/сообщение?

В этом смысле нужно отказаться от традиционного (гуссерлевско-шуцевского) понимания социальности (конституирования «альтер Эго», «ты-субъективности»), согласно которому человек в его восприятии вначале вступает в когнитивный контакт с внешним миром, в котором помимо прочих вещей обнаруживает «объекты» особого рода, отличные от вещей и похожие на Эго, и теперь каждый раз учитывает это различие, ведь теперь его познание гарантируется дважды: как собственное и как повторяющиеся из перспективы другого, Альтера, который тоже учитывает это различие, в свою очередь повторяющееся в перспективе Эго. Когнитивный контроль над внешним миром восприятия обеспечивается-де полнее через «удвоенное» восприятие. Пусть даже эту «вторую» перспективу Альтера конструирует для себя все-таки сам Эго.

Но вопрос в том, как же все-таки Эго может пережить то, что переживает Другой. Ведь он в лучшем случае может пережить лишь то, что Другой *переживает*, но никак не *то, что* переживает Другой. В вопросе так называемой интересубъективности традиционным исходным пунктом был факт сознания, вчувствования, переживания чужого переживания. Но если коммуникативная теория берет за исходный пункт коммуникацию, в этом случае важнейшим различием является теперь различие *сообщения и информации сообщения*.

Сознание Эго, его переживание реконструируется Другим через «гипостазирование» типовых сообщений: «пропозициональных установок» страха, желания, знания, веры,

выкристаллизовавшихся и утвердившихся в процессе длительных коммуникаций. Мы различаем фактически прозвучавшее предложение (выборку слов, означающее) и его индивидуальный распознаваемый в сообщении смысл (информацию, мотив, интерпретацию, действительное положение дел, означаемое). Этот смысл мы – без каких то ни было гарантий – можем лишь приписать переживанию Альтера. Но в действительности это остается конструкцией Эго, а фактически – самой коммуникации, потому что уже миллионы раз до этого, имели место коммуникации в виде предложений «я боюсь», «я хочу», «я знаю», которые «сконденсировались» в виде народной психологии и установок «страха», «желания», «полагания», «надежды». Таковая психология, как показал Деннет, именно потому и является «народной», что оказывается стихийно возникшей «теорией» чужого поведения, приписывания ему устоявшихся – коммуникативно-акцептируемых оценок. С другой стороны, приписывание чужому сознанию в качестве смыслов таких установок облегчается тем обстоятельством, что они в типичном случае представляют собой именно *сообщение*, а не информацию, звучат эксплицитно и перформативно, явно указывая на самих себя как на свой смысл: если «я боюсь, что *p*», главную роль играет сам страх, а не *p*, причем само сообщение в этом случае становится смыслом, а не фактически опасное действительное положение дел.

Несмотря на очевидность «народной психологии» в приписывании чужому сознанию знания и установок, именно здесь возникает «двойная контингенция» - ненужный характер в интерпретации переживаний чужого сознания при коммуникации Эго и Альтера. Всегда имеет место фактически сравнение предложения и его ненужно извлекаемого из него смысла на предмет их согласованности и как следствие – понятности, причем всегда в контексте той или иной актуальной коммуникации. Лишь тот или иной характер коммуникации делает понятным сообщение «предложения» и его информативную интерпретацию. *Страх* приписывается сообщению на войне, а *желание* в системе интимных коммуникаций. *Понятность определяется не вчувствованием в сознание, а коммуникативным контекстом прозвучавшего предложения.*

Итак, появление *Альтер Эго* (то, что когда-то называли интерсубъективностью) не является следствием эмпатических способностей «переживания чужого переживания». Оно вытекает из коммуникативного различия *сообщения и информации*. Сознание Другого реконструируется Эго в виде набора диспозиций, установок, понятных только через коммуникацию и возникших (сконденсировавшихся) только через коммуникацию. *Понимание* Другого Эго становится возможным через различие *сообщения и информации*. Эго понимает Другого, если сравнивает на предмет согласованности то, что является общим для Эго и Альтера (т.е. сообщение, языковую реальность, означающее), и то, что может различаться, а именно, - извлекаемую информацию или смысл сказанного.

Но эта же структура коммуникации *сообщение/информация* диктует условия познания: различие вещи и человека, субъекта и объекта возможно только потому, что раньше, в коммуникации уже осуществилось различие *с кем/о чем*, различие между человеком (набором диспозиций, установок, возможных сообщений) и смыслом или содержанием этих сообщений.

Функция сознания во многом свойственна и животным и состоит в экстернализации внутренних нейрофизиологических процессов, в дифференциации внутренних процессов (нервной системы) на внутренние и внешние. То, что фактически происходит внутри, сознание интерпретирует как происходящее вовне. Причем коммуницировать само восприятие невозможно, коммуницировать можно лишь о нем, и только в форме слов, а не чувств. Рассказать

о новом невиданном ранее цвете или ощущении невозможно, но можно говорить о нем в коммуникативно-кристаллизовавшихся формах, в ранее утвердившихся вербальных символах: красное, белое, квадратное.

Другими словами: функция сознания – вывести познание за рамки тела, через различение внутреннего и внешнего, тела и мира. Но это тоже всего лишь «интерпретация» сознанием процессов нервной системы, которые все без исключения осуществляются внутри. Аналогичным образом может быть определена и функция языка – вывести познание за рамки восприятия, через свободное комбинирование знаков и слов, через возможности ошибочной, неточной, оценочной интерпретации чувственных данных о сообщенном восприятии или переживании.

1.6 Непрозрачность сознания как ключевое условие коммуникативного понимания

Различие двух составляющих коммуникации – сообщения и информации – свидетельствует о том, что не осуществляется никаких переносов смыслов или значений от сознания к сознанию, а иначе каждое сознание продолжалось бы в другом сознании. Не было бы контингентности – свободного, но понятного (т.е. согласованного с ожиданиями) извлечения информации из сообщения (= приписывания смысла, мотива, установки тому или иному прозвучавшему предложению). Об информации («открывшемся» смысле сообщения) можно в свою очередь лишь сообщить, и это сообщение требует его новой смысловой или информативной переработки. Сознание открыто и закрыто. Открыто для входа сообщения (если оно не глухо) и закрыто для ввода в него информации сообщения. Оно само генерирует информацию, но эта генерация определяется коммуникативным контекстом, а не самим сознанием. Свобода сознания здесь предельно ограничена кристаллизовавшимися ранее коммуникативными формами, устойчивыми и воспроизводимыми ожиданиями (= социальной структурой).

У двух сознаний есть только одно общее – общее сообщение, общий воспринимаемый знак (в его ипостаси означающего), сигнал, на котором оба сознания способны *одновременно* сконцентрироваться. Но у этого сообщения есть одна особенность, которая не дает возможности его совместного трансформирования в информацию обоими сознаниями – это чрезвычайная избыточность его отнесений, референций, редундантностей, которая (таковы темпоральные условия коммуникации!) должна быстро редуцироваться, свестись к одной (всегда не точной, а зачастую ошибочной) информации, почерпнутой из сообщения. При этом данные сознания (переживания, восприятия) играют в коммуникации минимальную роль. Так, например, в сообщении «Над всей Испанией безоблачное небо» не заключено никакого восприятия, хотя речь идет именно о восприятии. Сознание словно вытесняется коммуникацией, делает с нею то же самое, что сознание сделало с нервной системой – задействует ее ресурсы в своих собственных интересах безотносительно к последней. Коммуникация «слышит» и «видит» сознаниями, но говорит только с самой собой, различает между сообщением и его смыслом.

Понимание – это редукция возможных подсоединений, отнесений сообщения. «Над всей Испанией безоблачное небо» редуцировано к приказу о восстании, и понято в том случае, если наблюдатель различил между сообщением и фактически напрашивающимся смыслом сообщения о погоде, с одной стороны, и фактической информацией – приказом к восстанию, с другой.

Если перед дверью стоит человек и роется в кармане, среди всех возможных смыслов в потоке его подсоединяющихся друг к другу действий (самореференция) мы выбираем

референцию – «он ищет ключ». Пусть даже он не ищет ключ, а лишь специально демонстрирует это или ищет что-то другое. Понять – значит зафиксировать избыточности и осуществить разгрузку, элиминируя все ненужное и разгружая себя от излишнего информационного груза, при этом - отдавая себе отчет, что и другие возможности могли бы иметь место и требуют внимания к себе как фон для сравнения. Понять – вовсе не означает понимания того, что действительно перерабатывается в сознании, и именно поэтому возникает возможность выбирать между подсоединяющимися возможностями. Понять – значит сконструировать самореференциальную цепь событий без кого-то ни было проникновения в «психические состояния» чужого сознания.

Если бы у одного сознания наличествовал бы доступ к другому сознанию, понимание как различие возможностей было бы невозможно: означающее и означаемое бы совпадали, смысл знака (лишь одна из массы его избыточных интерпретаций) не отличался бы от самого знака. Все сказанное, подуманное и воспринятое составляли бы неразрывное единство, не допускали бы отклонений и не требовали бы их понимания (= отличия друг от друга). Именно непрозрачность сознания оказывается фундаментальным условием понимания, а вовсе не его прозрачность и доступность для интерпретаций, как это кажется на первый взгляд.

1.7 Понимание в сознании и понимание в коммуникации: о «внутренней бесконечности» сознания

Само понимание в нормальном случае не коммуницируется в коммуникации, неважно имеет ли оно фактически место или нет. Для этого у коммуникации очень мало времени. Мы не можем заканчивать каждое предложение вопросом и ответом на вопрос о том, понято ли оно, как оно понято и насколько правильно понято данное предложение. В предельном случае коммуникация вообще может обходиться без психического понимания, когда сознание коммуниканта занимают иные переживания, несоответствующие теме коммуникации, и он лишь механически продолжает разговор. Коммуникация может продолжаться даже и в этом случае, если в ней задействовано всего одно сознание. Проблематизация и тематизация понимания как раз свидетельствовало бы о том, что коммуникация застопорилась и темой коммуникации стала сама коммуникация («я не понимаю, зачем ты говоришь со мной именно об этом?») или само сообщение, а не его смысл («ты сказал это очень тихо, я ничего не понял»).

Именно здесь очевидно проявляется ключевое различие между системами сознания и системами коммуникации. Системы коммуникации продолжают через «или-или», приходится иметь дело с – пусть всегда рутинизированным, или почти бессознательно-механическим – выбором: отклонить ли предложенную коммуникацию или принять ее, продолжать прежнюю тему или перейти к другой, согласиться или не согласиться со сказанным. В магазине коммуникация осмысленна (= может продолжаться), если говорят о покупке, а в суде - если говорят о проступке. Все прочее должно быть отклонено. В сознании, напротив, мысли и переживания подсоединяются друг к другу без того, чтобы каждый раз должна была решаться проблема подсоединения одного акта переживания к следующему акту в определенном системном контексте. Поток переживаний будет продолжаться независимо от темы и системного контекста. И в магазине можно переживать о любимой. Проблема коммуникации есть проблема тематически и контекстуально определенного ее продолжения, а также механизмов и мотивов для такого продолжения. Говорить нужно на тему, определенную контекстом. Проблема сознания – это проблема общего поддержания консистентности сознания, некоего общего холистского

фона¹² – в котором фактически ЛЮБАЯ подуманная мысль и пережитое восприятие или воспоминание может быть осмысленно, а поэтому подсоединяется к мысли предшествующей. После мысли о покупке я думаю о любимой, а затем наслаждаюсь вкусом сигареты. Вопреки очевидной неконсистентности этой последовательности, она все же гарантирована некоей общей возможностью образовать консистентности: например, универсальными чувствами удовольствия или неудовольствия от мыслей и переживаний, или скажем, «навязчивой идеей», центром вокруг которого концентрируются всякая мысль и всякое переживание.

Кроме того, есть важное отличие понимания в системах сознания от понимания в системах коммуникации. В последнем случае тематизация понимания служит индикатором застопоривания этой самой коммуникации и делает возможным ее рефлексивный характер. Фактически же понимание в психических системах вообще не является их собственной внутренней проблемой. От того, что какая-то психическая переработка содержания мыслей осталась непонятной для самого сознания, психические системы не разваливаются и не заканчиваются. Если я не понимаю, что нужно отвечать на экзамене, проблема возникает, не в моем сознании, а в сфере коммуникации с преподавателем.

Другими словами, тематизированное (не)понимание в коммуникации является продуктивным для коммуникации с точки зрения ее рефлексии, но рискованным с точки зрения продолжения системы коммуникаций. (Не)понимание в психической системе не является опасным для самих систем сознания, в любом случае оно не приведет внутренним образом к прекращению системы (если речь не идет о деструктивных воздействиях среды – когда я не понимаю, почему трясется земля в момент землетрясения, но и это разрушает систему сознания не внутренним образом).

1.8 Двойкий экстернализм языковых выражений: о свойстве языка быть медиумом коммуникации и сознания

Почему же возникает такая дивергенция пониманий? Странным образом, именно из общего свойств сознания и коммуникации, из возможностей порождать избыточности в отношении каждого содержания – и содержания сообщения, и содержания переживания. Каждое произнесенное в коммуникации сообщение становится содержанием переживания, но избыточности, отнесения у них различные. Осмысленность следующего подсоединения (мысли и предложения) и образование двух историй (истории переживаний и истории высказываний) определяется двойко экстерналистски: т.е. исходя не из самого данного содержания, а из некоторого двойного контекста. Если я говорю комплимент «вы хорошо выглядите», содержание сообщения вписывается одновременно в двойной контекст: в контекст наших прошлых коммуникаций и представлении об их будущем продолжении, с одной стороны, и в контекст истории личных переживаний воспринимающего сознания – в другой. «Комплимент» сам по себе, безотносительно двойного экстерналистского контекста, не имеет однозначного внутреннего смысла, даже и смысла комплимента, ведь он всегда может быть понят как ирония. (Это настолько очевидно, что непонятно, зачем понадобились мысленные *twater*-эксперименты Патнема для обоснования экстернализма).

Другими словами, сознание всегда шире коммуникации, а коммуникация всегда шире сознания. Думают всегда больше, чем успевают сказать, а история разговоров всегда шире и

¹² Никлас Луман назвал это свойство сознания «внутренней бесконечностью».

длиннее истории мыслей индивидуального сознания. Это взаимное «больше» и есть двоякий экстерналистский контекст любого языкового выражения.

Для понимания языка это очень важно, поскольку это показывает, что сам язык никакой системой не является. Он не может продолжаться исходя из собственных мотивов и механизмов. Правил грамматики недостаточно, чтобы стать «программатикой», алгоритмом, чтобы обеспечивать не только правильность говорения, но и мотивировать само говорение. Из грамматики не следует никакого продолжения сообщения и подсоединения новых элементов системы. (О сколько-нибудь жесткой связи элементов языка можно говорить только на уровне слова, где подсоединение букв в рамках слова, конечно, определяется самим словом, предыдущими и последующими буквами (как показал де Соссюр). Но именно это странное свойство – не являться системой подсоединяющихся друг к другу элементов – и составляют уникальную функцию языка. Язык в этом смысле является медиумом, слабо связанной средой, *хюле* в смысле античной традиции. Где каждая его форма (область жестких связей в виде внутреннего переживания или коммуникативного выражения) определяется соответствующими внешними факторами («внутренней бесконечностью» сознания или историей прошлых и представлениями о будущей коммуникаций).